

На правах рукописи

ШАТОХИНА Софья Александровна

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА:
ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ КОММУНИКАТИВНОГО
ПРОСТРАНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

Специальность 5.9.8 Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2023

Работа выполнена во ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Куликова Людмила Викторовна

**Официальные
оппоненты:** **Гусейнова Иннара Алиевна,**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет», кафедра
лексикологии и стилистики немецкого языка,
профессор

Королькова Ольга Олеговна,
кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный
педагогический университет», кафедра
психологии и педагогики, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт языкознания
Российской академии наук

Защита диссертации состоится 30 июня 2023 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.404.11 на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» по адресу: г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»: <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бурмакина Наталья Геннадьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению различий в вариантах лексики русского жестового языка (РЖЯ), контактирующих в пределах крупного региона, а именно на примере коммуникативного пространства Восточной Сибири.

Сфера изучения жестовых языков и междисциплинарной прикладной разработки интерактивных ресурсов для носителей особого знакового кода становится в последние десятилетия объектом пристального внимания лингвистов разных стран. Повышенный научно-академический интерес к этому аспекту коммуникации отражает создание профильных институций, кафедр, лабораторий в рамках крупных университетов США, Германии, Австрии, Швейцарии, Китая и других стран. При этом можно констатировать достаточно невысокий уровень разработанности данной проблематики в отечественном языкознании в отношении русского жестового языка.

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется следующими факторами:

- общим интересом современной семиотики и лингвистики к жестовым языкам, относительно недавно признанным во всем мире полноценными естественными знаковыми системами;
- выбором русского жестового языка в качестве объекта исследования и необходимостью теоретического и практического вклада в систематизацию знаний о жестовом языке национальной лингвокультуры;
- недостаточной и фрагментарной изученностью вопроса о вариативности русского жестового языка в корреляции с региональной спецификой;
- значимостью лингвоструктурной институализации русского жестового языка в аспекте инклюзивных, социально-интеграционных процессов современного общества.

Объектом исследования является региональная вариативность жестовых языков.

Предмет диссертационного исследования – фонологическая и лексическая вариативность лексики региолектов русского жестового языка на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири.

В качестве **гипотезы** выдвигается предположение о том, что в разных регионах Восточной Сибири (по аналогии с зафиксированным территориальным варьированием жестовых языков во многих странах) используются варианты жестов, которые в значительной степени отличаются друг от друга.

Цель исследования заключается в выявлении и описании региональной лексической и фонологической вариативности жестов РЖЯ в контексте его функционирования на территории Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область, Республика Хакасия и Республика Тыва).

Достижение поставленной цели обуславливает решение следующих **задач**:

- 1) изучение зарубежных и отечественных работ, проблематизирующих

историю становления, развития и современного этапа функционирования жестовых языков (ЖЯ);

2) выделение основных параметрических и терминологических единиц, характеризующих системы жестовых языков в аспекте естественных знаковых систем в корреляции со звуковыми языками;

3) анализ исследований, посвященных описанию территориальной, социо-культурной и лингвистической вариативности, которые были проведены на материале разных жестовых языков;

4) формирование тезауруса наиболее частотных лексических единиц по бытовым социальным сферам в рамках выбранных тематических групп для последующей жестовой верификации;

5) сбор эмпирических жестовых данных в формате социолингвистических экспедиций;

6) систематизация выделенной лексики русского жестового языка с дифференцированием по территориальному признаку;

7) выявление региональных различий в разных территориях Восточной Сибири на основе сопоставительного анализа русского жестового языка.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые исследуется вариативность лексических единиц русского жестового языка в контексте четырех регионов Восточной Сибири; выявляются тематические группы, демонстрирующие наибольшую и наименьшую степени вариативности; собранный эмпирический материал становится доступным для научного сообщества в формате современного мультисемиотического ресурса.

Материалом для выявления и изучения региональных особенностей РЖЯ по территориальному признаку послужили теоретико-эмпирические данные, собранные в результате интервьюирования 24 носителей русского жестового языка, проживающих на территории Восточной Сибири. Общий объем составленного тематического тезауруса для исследования включал 376 вербальных лексических единиц. Суммарное количество собранных и проанализированных жестовых единиц – 9 000. Итоговая длительность видеозаписей составляет 49 часов. Сбор эмпирического материала осуществлялся в 2019–2021 гг.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется вкладом в развитие лингвистики жестовых языков и системную представленность эмпирических данных о вариативности русского жестового языка в разных регионах страны. В частности, в работе представлены жестовые эквиваленты наиболее частотных лексических единиц, объединенных в тематические группы, отображающие основные сферы бытового общения. Также полученные данные могут быть использованы при проведении лексико-статистических сопоставлений и в диахронических исследованиях лексики русского жестового языка. Теоретически значимыми представляются выводы о степени вариативности тематических групп и корреляции между иконичностью и лексической вариативностью жестов.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные

эмпирические данные представляют интерес для переводчиков русского жестового языка. Кроме того, результаты исследования могут быть включены в теоретический курс по лингвистике жестовых языков и использованы в рамках преподавания общего курса по языкознанию.

Методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных специалистов по лингвистике жестовых языков [Буркова и др., 2019; Зайцева, 2000; Королькова, 2022; Кюсева, 2018; Прозорова, 2009; Филимонова, 2015; Aronof et al., 2005; Nyst, 2012; Klima, Bellugi, 1979; Liddel, 2003; Pfau, Quer, 2007; Stokoe, Kuschel, 1979; Zeshan, 2004 и др.], истории становления жестовых языков [Басова, Егоров, 1984; Лаговский, 1914; Moores, 2009; McBurney, 2012; Padden, 2011; Takashi et al., 1976; Woodward, 1976, 1978 и др.] и жестовой вариативности [Bickford, 2005; De Vos et al., 2018; Isma, 2012; Fenlon et al., 2013; Kimmelman et al., 2022; Lucas et al., 2001; McKee, McKee, 2011; Parkhurst, Parkhurst, 2001; Schermer, 2004; Vasishta et al., 1978; Yau, 1977 и др.].

Методы исследования. В работе применяются общенаучные методы наблюдения и описания, включая специальные приемы сравнения, интерпретации и классификации, в сочетании с методом контекстного анализа языкового материала. Для сбора эмпирических данных использовались социолингвистические методы интервьюирования. Сопоставление параметров жестов осуществлялось посредством применения метода дифференциального анализа. Наряду с вышеперечисленными методами широко применялся метод статистической обработки лингвистических данных.

Достоверность полученных результатов обеспечивается адекватностью и системностью теоретико-методологических подходов, положенных в основу исследования, его цели и решаемых задач, репрезентативностью собранного эмпирического материала, а также открытой фиксацией полученных данных в формате мультимодальной электронной платформы <https://zhestysibiri.ru>, прошедшей успешную апробацию в рамках научного проекта РФФИ.

Результаты проведенного исследования нашли отражение в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. Становление, развитие и функционирование жестовых языков как естественных знаковых систем в исторической перспективе обусловлено влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Первые характеризуются использованием носителями жестовых языков визуальной модальности и отличных от звуковых языков артикуляторов. Спектр экстралингвистических факторов включает существование жестовых языков в контексте доминирования звуковых языков, различие способов овладения жестовыми языками в зависимости от аудиального статуса других членов семьи и существующих образовательных стратегий, степень поддержки жестовых языков на государственном уровне и наличие среды, позволяющей членам сообщества неслышащих коммуницировать.

2. Русский жестовый язык используется глухими и слабослышащими носителями, проживающими на территории Восточной Сибири, в качестве

одного из главных средств коммуникации. В Регионе функционируют специализированные учебные заведения и Региональные отделения Всероссийского общества глухих. Унифицированная стратегия применения РЖЯ в обучении отсутствует. Изолированность школ-интернатов является вероятным фактором появления вариантов жестов.

3. Жестовые языки как полноценные естественные знаковые системы демонстрируют лексическую и фонологическую вариативность, которая в том числе соотносится с универсальными свойствами любого языка. В современном состоянии региональные варианты русского жестового языка (по результатам исследования крупного субрегиона России) демонстрируют наличие вариативности у 38 % лексических единиц выделенного базового словника. Наиболее частотной является фонологическая вариативность. Из четырех сопоставляемых параметров жеста (локализация, конфигурация, ориентация ладони и характер движения) более подвержен изменениям параметр «конфигурация».

4. Наибольшую степень вариативности демонстрируют такие тематические группы, как «Вопросительные жесты», «Фауна», «Продукты и питание» и «Семья». В рамках указанных групп вариативность региональных жестов РЖЯ достигает 60 %. Наименьшее количество вариантов зафиксировано в тематической группе «Фразы для общения». Данная группа включает в себя 31 лексическую единицу, вариативны три. Также невысока степень вариативности жестов тематических групп «Магазин и покупки» и «Действия и состояния».

5. Отмечается зависимость лексической вариативности и степени иконичности. Наибольшее количество лексических вариантов жестов выявлено в тематических группах «Фауна» и «Продукты и питание» – 83,3 % в обеих группах по сравнению с другими тематическими группами. В вышеназванных группах заметно количественное преобладание лексических вариантов, отличающихся высокой степенью иконичности. В среднем вариативный жест в данных группах представлен тремя иконичными лексическими вариантами.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации были сделаны доклады на XXX Международном Конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (2019 г., СПбГУ, г. Санкт-Петербург), Междисциплинарном научном семинаре с международным участием «Современные жестовые языки: теоретические и прикладные аспекты» (2020 г., СФУ, г. Красноярск), III Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация» (2020 г., МГУ, г. Москва), II Международном Форуме языков и культур, СФУ (2021 г., СФУ, г. Красноярск). По теме диссертационного исследования опубликовано пять статей. Три статьи опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК; одна в издании, индексируемом в зарубежной базе данных Scopus; одна статья в РИНЦ; подготовлен раздел в коллективной монографии «Жестовые языки: Лингвистика и социальная инклюзия». Работа прошла апробацию в рамках грантового проекта РФФИ № 20-012-00321 А

«Региональные жестовые языки: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири)».

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка литературы и приложения. Общий объем работы составляет 186 страниц, библиографический список включает 218 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, формулируются его цель, задачи, объект, предмет, гипотеза, научная новизна; определяются методы изучения, излагаются положения, выносимые на защиту, характеризуются исследовательский материал и структура работы.

Первая глава «Жестовые языки как объект социолингвистического исследования в диахроническом и синхроническом аспектах» посвящена описанию истории развития жестовых языков и традиции их институализации; в главе рассматриваются основные характеристики жестовых языков как естественных знаковых систем; анализируются диахронические аспекты развития жестовых языков мира, а также русского жестового языка в традициях лингвистических подходов; приводятся модели описания жеста, обосновывается выбор описательной модели, которая используется в работе; систематизируются типы вариативности в контексте исследований, проведенных на материале ряда жестовых языков мира; приводится актуальная информация о трудностях разграничения двух видов жестовой вариативности.

Жестовые языки стали объектом лингвистического изучения относительно недавно – в 60-х гг. XX в. Возникновение лингвистики жестовых языков как научного направления связано с именем У. Стоке, который опубликовал в 1960 г. фундаментальное исследование американского жестового языка [Stokoe, 1960]. После публикации данной работы интерес к лингвистике жестовых языков значительно вырос.

Анализ теоретических источников показал, что важной задачей на начальном этапе становления лингвистики жестовых языков как научно-прикладного направления было сопоставление жестовых языков, звуковых языков и жестового сопровождения речи в контексте постулирования того факта, что жестовые языки являются полноценными знаковыми системами, обладающими уровневой организацией. Сопоставительное изучение жестовых и звуковых языков проводилось на уровне фонологии [Lane et al., 1976], морфологии [Berent et al., 1976; Fischer, 1973; Supalla, 1982; Supalla, Newport, 1978], синтаксиса [Liddell, 1980]. Согласно проведенным исследованиям, на всех языковых уровнях выявляются фундаментальные свойства, присущие как звуковым, так и жестовым языкам: наличие означающего и означаемого; двойственность паттернов; продуктивность (заимствование, деривационная морфология, словосложение); синтаксическая

структура (части речи, порядок слов, согласование); схожие алгоритмы овладения языком; латерализация (левое полушарие) [Meier, 2002]. Однако несмотря на наличие общих фундаментальных свойств, в работах лингвистов подчеркивается, что звуковые и жестовые языки демонстрируют отличия, обусловленные использованием разных модальностей. В ряде исследований и научных экспериментов сопоставляются жестовые языки и жестикуляция или жестовое сопровождение речи [Fenlon et al., 2019; Ozyurek, 2000]. Обобщая результаты данных штудий можно заключить, что жестикуляция в отличие от жестового языка представляет собой вторичную систему, сопровождающую звучащую речь.

В работах, написанных после 80-х гг., наблюдается возрастание интереса к характерным особенностям жестовых языков, в частности использованию немануальных маркеров [Liddell, 1986; Stokoe, 1981; Valli, Lucas, 1995] и жестового пространства [Adamo et al., 1999; Engberg-Pederson, 1993; Emmorey, Casey, 1995]. В этот же период исследователи ищут правильный подход к описанию жестовых языков. Поднимается вопрос о правомерности применения классических для языкознания методов анализа. В литературе, посвященной данным вопросам, присутствуют публикации, включающие рассуждения об уникальной природе ЖЯ и, как следствие, невозможности их лингвистического описания по аналогии со звуковыми языками [Сухас, 1987; Karlsson, 1984]. Кроме того, предлагаются грамматические описания разных жестовых языков [Bellugi, Newkirk 1981; Green, 1984; Penn, Reagan, 1994; Sandler, 1986; Supalla, 1991; Zeshan, 1996]. К концу XX в. было накоплено относительно большое количество эмпирических данных, что позволило выявить ряд языковых универсалий [Aarons, Morgan, 2003; Crasborn, 2007; Perniss et al., 2015; Zeshan, 2004], которые включают в себя одновременность, иконичность и использование пространства. Техническое развитие и создание специализированных программ способствовали появлению баз данных и корпусов жестовых языков [Crasborn, 2010; Ebling et al. 2012; Johnston, 2008; Pedersen et al., 2009; Wähl et al., 2018]. В настоящее время наблюдается тенденция к проведению междисциплинарных исследований жестового дискурса.

Наряду с изучением лингвистических аспектов функционирования жестовых языков известен ряд работ, посвященных анализу влияния на ЖЯ экстралингвистических факторов. Так, Д. Brentari были выделены факторы, которые можно разделить на две группы – внутренние и внешние [Brentari, 2010]. Внутренние факторы: численность (насколько велико сообщество глухих по сравнению с сообществом звукового языка); близость (легко ли членам сообщества глухих поддерживать контакт друг с другом); сплоченность (существует ли инфраструктура для глухих, например ассоциации, спортивные клубы, художественные традиции или религиозные организации, и есть ли консенсус среди членов сообщества глухих по важным вопросам, касающимся жестового языка и обучения); самосознание (насколько глухие люди считают себя отдельной группой); продолжительность (как долго сообщество осознает себя как группу).

Внешние факторы: экономическая ситуация (общее состояние экономики в стране); монокультурная/мультикультурная среда (окружающее сообщество является однородным или неоднородным с точки зрения культуры и этнической принадлежности); образование (механизмы обучения глухих детей и соответствующая образовательная политика); государственная политика по отношению к ЖЯ (признан ли жестовый язык и в какой степени); доступность технологий (Интернет, видеосвязь) для того, чтобы обеспечить беспрепятственное общение в киберпространстве; уровень медицинской поддержки (степень влияния медицинского сообщества в вопросах, связанных с глухотой); наличие переводчиков (является ли устный перевод жизнеспособной профессией, есть ли бесплатные переводчики и т.д.).

Анализ исторических данных позволяет выявить факт, что одним из ключевых условий становления жестового языка и его витальности является наличие у глухих возможности коммуницировать, в то время как изолированность жестового языка может привести к его исчезновению. Исследования последних лет демонстрируют тенденцию к разделению жестовых языков на «деревенские» и «городские» [De Vos, Nyst, 2018; Jepson, 1991; Marsaja, 2008; Zeshan, De Vos, 2012]. К «деревенским» относят языки, которые естественным образом возникли и существовали в рамках сообществ, где частотны случаи наследственной глухоты. Значимым фактором, обуславливающим сохранность данных языков, является наличие большого количества глухих и слабослышащих на определенной территории, где жестовым языком владеют как глухие, так и слышащие члены сообщества. Определяющим в развитии «городских» ЖЯ выступает создание специализированных школ для глухих, что способствует стабилизации данных языков и их распространению [Su, Tai, 2009].

Реферируемое диссертационное исследование проводилось на материале русского жестового языка. Длительный период, предшествующий возникновению интереса к РЖЯ со стороны лингвистов, характеризовался в основном восприятием этого языка в качестве инструмента обучения в рамках сурдопедагогики. Именно такой подход представлен в книге сурдопедагога В.И. Флери «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе» [Флери, 1835], где в числе прочего автор приводит описания жестов и ряд грамматических аспектов функционирования РЖЯ.

Работой, положившей начало лингвистическому изучению РЖЯ, стала диссертация Г. Л. Зайцевой «Выражение пространственных отношений в мимико-жестикуляторной речи глухих» (1969). В ней автор опровергла мнение о том, что русский жестовый язык примитивен, и аргументированно доказала, что он должен считаться полноценной знаковой системой, не уступающей звуковому языку. Существует несколько описаний грамматической структуры РЖЯ, которые, однако, нельзя назвать полными. Одно из них представляет собой краткий очерк [Давиденко, Комарова, 2006], второе – обзорную статью на английском языке [Grenoble, 1992]. Еще одна англоязычная статья содержит информацию о словарях, диалектах и

грамматике РЖЯ и тоже является скорее обзорной, поскольку в ней представлены обобщенные данные некоторых исследований [Kagirav et al., 2019]. Грамматические аспекты русского жестового языка освещаются также в ряде специализированных сурдопедагогических учебных пособий. Кроме того, на материале русского жестового языка сформированы аннотированный корпус и лексические базы данных, существует ряд изданных словарей РЖЯ [Базоев и др., 2009; Гейльман, 1975; Драга, 2021; Маринина, 2004; Флери, 1835; Фрадкина, 2001].

Первые исследования вариативности были тесно связаны с установлением исторических связей и выделением семей жестовых языков. В одной из пионерских работ сравнивалась лексика американского и французского жестовых языков [Woodward, 1978]. Для сопоставления автор трансформировал стандартный список базовой лексики М. Сводеша [Swadesh, 1971], убрав некоторые слова, обладающие высокой степенью иконичности. В более поздних сопоставительных исследованиях [Curtie et al., 2002; McKee, Kennedy, 2000; McKee et al., 2002;] также использовался модифицированный список базовой лексики и были уточнены некоторые методологические принципы. Несмотря на то что лексико-статистический анализ жестовых языков подвергается критике [Zeshan, 2000b; Meir, Sandler, 2008], метод остается актуальным и исследования в данной области продолжаются и в XXI в. [Aldersson, McEntee-Atalianis, 2009; Johnston, 2003; Padden et al., 2011]. Наряду с сопоставительным анализом национальных жестовых языков сопоставительный метод применяется и в работах, посвященных региональному варьированию жестового языка в рамках одной страны. Такие исследования проводились на материале жестовых языков Восточной Европы [Bickford, 2005], Филиппин [Hurlbut, 2008], Гватемалы [Parks, Parks, 2008], Испании [Parkhurst, Parkhurst, 2001], Индонезии [Isma, 2012], Перу [Parks, Parks, 2010] и т.д.

Установление родства жестовых языков осуществляется посредством сопоставления параметров жеста, что коррелирует с осмыслением жеста как языковой единицы. Жест считался неделимой единицей до того времени, пока У. Стоке, по аналогии со звуковыми языками, не выделил три главных параметра, из которых состоит жест, – конфигурация (расположение кисти руки и пальцев в одноручных жестах и их взаиморасположения в жестах двухручных), локализация (месторасположение жеста) и движение [Stokoe, 1960]. Автор рассматривает жест как набор минимальных единиц языка, которые в совокупности могут образовывать значимые элементы. Позднее исследователи выделили такие параметры, как ориентация (положение кистей рук по отношению к говорящему и друг к другу) [Battison, 1978] и немануальные маркеры (лингвистически значимые элементы, выражаемые любым артикулятором, кроме рук) [Sutton-Spence, Woll, 2007].

В период зарождения лингвистики жестовых языков исследователи подчеркивали, что уникальность ЖЯ состоит в том, что жест непоследователен. В более поздних работах тот факт, что одновременность является главной характеристикой жеста, был пересмотрен. С. Лиделл и

Р. Джонсон [Liddell, Jonson, 1989] в модели жеста Move-Hold Model отказались от двух фундаментальных положений, обозначенных У. Стоке - трех параметров жеста и принципа одновременности. Модель Hand Tier Model, разработанная В. Сэндлер [Sandler, 1989], объединяет, наряду с просодической моделью Д. Brentари [Brentari, 1998], как последовательный, так и одновременный характер жеста. При этом просодическая модель предполагает наличие имманентных (inherent) и просодических (prosodic) элементов, разница между которыми заключается в их роли в базовой структуре жеста.

В рамках настоящей работы для описания и сопоставления жестов используются такие параметры, как конфигурация, локализация, ориентация и характер движения. Данный выбор детерминирован спецификой эмпирического материала и поставленными задачами. Кроме того, сопоставление указанных параметров для выявления вариативности является классическим методом и используется большим количеством исследователей [Aldersson, McEntee-Atalianis, 2009; Currie et al., 2002; Johnston, 2003; Lucas et al., 2001; McKee, Kennedy, 2000; McKee et al., 2002; Padden et al., 2011 и т.д., Schembri et al., 2009; Woodward, 1978].

В 2001 г. появилась знаковая работа, посвященная американскому жестовому языку [Lucas et al., 2001], которая была выполнена в русле вариационной социолингвистики и ознаменовала начало новой стадии в изучении вариативности ЖЯ. Схожие исследования вариативности также были проведены на материале австралийского и новозеландского ЖЯ (NZSL) [Schembri, Johnston, 2007; Schembri et al., 2009; McKee et al., 2011]. Как правило, практически во всех подобных работах дифференцируются фонологическая и лексическая вариативность жеста [Fenlon et al., 2013; Geraci et al., 2011; Lucas et al., 2001; McKee et al., 2011; Schembri et al., 2009; Schembri, Johnston, 2007; Schembri et al., 2009]. Жест варьируется фонологически, если один из параметров сопоставляемых вариантов отличается. Несовпадение трех и более параметров трактуется как лексическая вариативность.

Согласно сложившейся в лингвистике жестовых языков тенденции и на основе проведенного теоретико-эмпирического изучения можно сделать вывод, что вариативность ЖЯ определяется влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Так, пример влияния лингвистических факторов демонстрирует исследование симметричных жестов в британском жестовом языке и случаи, когда они показывались одной рукой. При этом выявлено, что такая реализация жеста более частотна в немаркированных жестах. Также описывалась фонологическая ассимиляция и условия ее реализации [Liddell, Johnson, 1989]. Значимыми экстралингвистическими факторами являются, как правило, регион проживания, возраст и гендерная принадлежность респондентов. Например, исследование конфигурации «1» на материале британского жестового языка показало, что вариативность в языке зависит от таких лингвистических факторов, как конфигурация предыдущего и следующего жестов в предложении и грамматическая категория. Из ряда анализируемых в работе экстралингвистических факторов наиболее значимым

оказался один – регион проживания информанта (носители BSL из Бристоля чаще использовали вариации с конфигурацией «1» по сравнению с носителями из Лондона и Бирмингема) [Fenlon et al., 2013].

Наличие региональной лексической вариативности зафиксировано на материале многих жестовых языков: русского [Grenoble, 1992], британского [Schembri et al., 2014], бразильского [Campos, 1994], инро-пакистанского [Zeshan, 2000], нидерландского [Schermer, 2004], южноафриканского [Penn, 1992] и т.д. Систематизация имеющихся лингвистических концепций и результаты проведенного исследования позволяют выделить факторы, которые в наибольшей степени влияют на наличие в языке лексических вариантов: этническая принадлежность, гендерная принадлежность, возраст, регион проживания, учебное заведение и социальный статус носителя языка.

Вариативность русского жестового языка является одной из наименее разработанных областей в рамках общей лингвистики РЖЯ и описывается лишь в нескольких работах. Сопоставление вариативности жестов московского и новосибирского вариантов РЖЯ было проведено на материале изданных словарей, онлайн-словаря <https://spreadthesign.com> и данных, полученных от носителей новосибирского варианта РЖЯ. В результате специалистами выявлено наличие наибольшего количества расхождений в тематических группах «Временной интервал», «Животные», «Профессии», «Названия стран и городов», «Родственные отношения» [Буркова, Варинова, 2006]. Также проведено исследование лексики русского жестового языка, в рамках которого рассматривается ее объем и описываются некоторые вариативные жесты [Королькова, 2022].

Дискуссионным остается вопрос анализа большого количества фонологических вариантов жестовой единицы, отличающихся друг от друга по одному или нескольким параметрам. В нашей работе мы опираемся на исследование, в котором предлагается ряд описательных сценариев, основанных на теории графов [Kimmelman et al., 2022]. Согласно указанной теории, варианты жеста являются «вершинами», а «ребра» представляют собой отношение фонологической соотнесенности между вершинами/вариантами. Для определения принадлежности вариантов к одной лексеме автором предлагается ряд правил:

1. если подмножество вариантов образует цикл, то все варианты принадлежат одной лексеме;
2. любой вариант, который связан по крайней мере с двумя вариантами в цикле вариантов, принадлежит к той же лексеме, что и варианты в цикле;
3. в цепочках вариантов, если вариант 1 относится к варианту 2, а вариант 2 относится к варианту 3, то 2 принадлежит лексеме вместе с 1, а 3 принадлежит лексеме вместе с 2. В итоге варианты рассматриваются как две лексемы – лексема А (1,2) и лексема Б (2,3);
4. каждый цикл внутри связанного компонента анализируется как отдельная лексема, а если есть цепочка, она анализируется как состоящая из нескольких лексем по приведенным выше правилам, где варианты

могут быть разделены между различными цепочками и циклами [Kimmelman et al., 2022].

Таким образом, лакунарность теории изучения одного из самых географически и социолингвистически распространенных жестовых языков мира, а именно, русского жестового языка, обуславливает необходимость исследования его региолектов на разных территориях Российской Федерации.

Во второй главе «Специфика региональной локализации русского жестового языка на территории Восточной Сибири» рассматриваются диахронические и синхронические аспекты функционирования русского жестового языка в пространстве крупного субрегиона Сибири; систематизируется алгоритм работы по составлению тезауруса наиболее частотных лексических единиц по бытовым социальным сферам; обобщается опыт документирования эмпирических данных и создания мультисемиотической платформы региональных вариантов РЖЯ. Основная часть главы посвящена представлению результатов изучения лексических и фонологических вариантов лексических единиц в контексте их принадлежности к выделенным тематическим группам и анализу русскоязычных региональных жестов РЖЯ, а также значимости влияния на вариативность социолингвистических факторов.

На территории Восточной Сибири проживает значительное количество глухих и слабослышащих, однако привести точные данные представляется затруднительным, поскольку в местах проживания некоторых неслышащих отсутствуют специализированные центры, а глухота может быть сопутствующим явлением на фоне ряда заболеваний. В регионе исследования функционируют семь специализированных школ-интернатов, многие из которых имеют длительную историю. Красноярская школа-интернат была основана в 1922 г., ачинская – в 1931 г., минусинская – в 1932 г. Старейшая из школ, Специальная (коррекционная) школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха № 9, расположенная в г. Иркутске, была основана в 1921 г. Существенное влияние на сообщество глухих оказывают Региональные отделения Всероссийского общества глухих (ВОГ). Все структуры указанных территорий возникли в ранний советский период и осуществляют работу на протяжении долгого времени. В иркутском и красноярском региональных отделениях ВОГ работают диспетчерские службы. Некоторая степень изолированности и территориальная отдаленность сообществ глухих и слабослышащих является, как показывает анализ, одной из главных причин возникновения вариативных жестов.

Исследование вариативности русского жестового языка на примере коммуникативного пространства Восточной Сибири проводилось в формате социолингвистических экспедиций (2019–2021 гг.) с привлечением 24 информантов, проживающих в Красноярском крае, Иркутской области, Республике Хакасия и Республике Тыва. Все информанты являются носителями русского жестового языка, четверо из них CODA – (слышащие дети глухих родителей). Гендерная принадлежность, возраст, социальный статус, степень нарушения слуха и уровень образования разнятся. Из 24

респондентов 9 – мужчины, 15 – женщины. С точки зрения возрастных характеристик можно выделить три группы опрошенных. Семь человек являются представителями молодого поколения (от 18 до 30 лет), одиннадцать принадлежат возрастной группе от 30 до 55 лет, шесть респондентов старше 55 лет. Интервьюирование осуществлялось на основе сформированного словника, лексические единицы которого были систематизированы в соответствии с тематическими группами: «Внешность», «Вопросительные жесты», «Время», «Действия и состояния», «Дом и обстановка», «Досуг», «Животные», «Магазин и покупки», «Одежда и обувь», «Природа и погода», «Продукты и питание», «Профессии», «Семья», «Фразы для общения», «Цвета». Из 376 проанализированных лексем наличие вариативности выявлено у 144, что составляет 38,3 % от общего тезауруса рассматриваемых бытовых социальных сфер. Всего было зафиксировано 424 фонологических и лексических варианта.

В таблице 1 представлены результаты мониторингового исследования: приводится количество лексических единиц в рамках каждой тематической группы, процент общей вариативности и процент жестов, которые демонстрируют наличие лексической или фонологической вариативности. В графах «Лексическая вариативность» и «Фонологическая вариативность» отражается соотношение жестовых единиц в рамках тематических групп без учета случаев наличия фонологической вариативности у лексических вариантов. Например, жест ВОЗРАСТ имеет четыре лексических варианта, один из которых, в свою очередь, представлен двумя фонологическими вариантами. В рамках нашего исследования мы относим жест ВОЗРАСТ к лексическим единицам, демонстрирующим лексическую вариативность. Или, к примеру, жест ВОЛОСЫ представлен только фонологическими вариантами, что, соответственно, отражается в таблице в графе «Фонологическая вариативность». Таким образом, выявляется процентное соотношение лексических вариантов (которые в свою очередь могут обладать рядом фонологических вариантов) и количество жестов, имеющих только фонологические варианты. Из общего количества вариативных жестов наиболее распространена фонологическая вариативность. Как показал анализ, из четырех сопоставляемых параметров жеста более подвержен изменениям параметр «конфигурация». Фонологическая вариативность по параметру «характер движения» также частотна, однако большая часть данных жестов относится к тематическим группам «Вопросительные жесты» и «Время».

Таблица 1

№	Тематическая группа	Количество жестов, включенных в исследование	Вариативность (общий%)	Лексическая вариативность (%)	Фонологическая вариативность (%)
1	Внешность	9	45,5	50	50
2	Вопросительные жесты	11	63,6	71,4	28,6
3	Время	36	50	27,7	72,3
4	Действия и состояния	70	25,7	77,7	22,3
5	Дом и обстановка	42	33,3	57	43
6	Досуг	29	31	55,5	44,5
7	Магазин и покупки	14	21,4	100	0
8	Одежда и обувь	8	50	50	50
9	Природа и погода	25	47	37,5	62,5
10	Продукты и питание	40	60	83,3	16,7
11	Профессии	20	40	75	25
12	Семья	13	61,5	12,5	87,5
13	Фауна	20	60	83,3	16,7
14	Фразы и слова для общения	31	9,7	66,6	33,4
15	Цвета	8	50	25	75

Из пятнадцати тематических групп самое большое количество вариантов было зафиксировано в следующих: «Вопросительные жесты», «Фауна», «Продукты и питание», «Семья». В тематической группе «Вопросительные жесты» вариативны 7 жестов из 11. Следует отметить, что в рамках данной группы более частотна лексическая вариативность. Отмечается влияние региона проживания, так как наибольшее количество выявленных вариантов были показаны информантами, проживающими на территории Республики Хакасия. Тематическая группа «Фауна» включает в себя 20 лексических единиц, 12 из которых вариативны. Очень высок процент лексической вариативности. В тематической группе «Продукты и питание» было проанализировано 40 лексических единиц, из них вариативность демонстрируют 24. Также отмечается большое количество лексических вариантов. Тематическая группа «Семья» представлена 13 лексемами. Из 8 вариантов жестов только один является лексическим. Важно отметить, что

фонологические варианты в рамках данной группы были использованы одним носителем РЖЯ, проживающим в Республике Хакасия. Представляется возможным предположить, что данные варианты распространены в определенной семье или в населенном пункте, где проживает информант. Во всех описываемых вариантах применяется одинаковая конфигурация, отличная от более распространенной. Наименее вариативна тематическая группа «Фразы и слова для общения». Данный факт может быть связан с тем, что лексические единицы этой группы используются чаще прочих в повседневном общении и при контактах с представителями сообществ, проживающих в других регионах. Также невысока степень вариативности жестов тематических групп «Магазин и покупки» и «Действия и состояния».

Отмечается зависимость наличия лексической вариативности и иконичности. Так, тематические группы «Фауна» и «Продукты и питание» характеризуются высокой степенью иконичности жестов и демонстрируют самый большой процент наличия лексических вариантов. В других группах (например, «Профессии» и «Действия и состояния») также заметно наличие данной корреляции.

Выявлено наличие жестов, которые распространены только в одном из регионов. Частотны случаи, когда респонденты, проживающие в двух разных городах, используют жест, который не распространен в других. Данный факт ставит под сомнение существование единого сибирского диалекта. Требуются дополнительные сопоставительные исследования с привлечением большего количества информантов и использованием данных, полученных в результате анализа жестов, распространенных в Москве, Санкт-Петербурге и других городах.

В нескольких случаях замечено влияние возраста респондентов на выбор варианта. Также у представителей старшего поколения наблюдается тенденция к более частому использованию дактиля. Данный факт, вероятно, является следствием образовательной политики, которая проводилась во время их обучения.

Выделяются случаи, когда ряд фонологических вариантов может быть рассмотрен в качестве связанных цепочек, которые отличаются по одному из параметров. Данные случаи представляют значительный интерес, так как могут быть рассмотрены, в том числе, в качестве потенциальных источников исследования трансформации жестов либо особенностей воспроизведения жестов, характерных для представителей разных гендеров, поколений и т.д. В качестве примера приводим варианты лексемы ОСЕНЬ, образующие цикл, в рамках которого каждый следующий вариант отличается от предыдущего по одному параметру. Первая жестовая единица (рис. 1а) отличается от второй (рис. 1б) по параметру «конфигурация». Третий вариант отличается от второго по параметру «локализация» (рис. 1в). Четвертый (рис. 1г) отличается от третьего по характеру движения, а пятый от четвертого конфигурацией (рис. 1г). На рисунке 1е представлен компаунд, представляющий собой сочетание 1б и 1д.

Рис. 1. РЖЯ: ОСЕНЬ

Основные результаты исследования были использованы для разработки специализированного цифрового ресурса в формате современной мультисемиотической платформы <https://zhestysibiri.ru/>. Собранные и проанализированные жесты дифференцируются в пространстве этого электронного корпуса в соответствии с их локализацией по региону/городу, в котором используется определенный вариант. Кроме того, предусмотрена возможность поиска слова с произвольной фильтрацией, благодаря чему при вводе первых букв в поисковую строку появляется список всех слов, которые начинаются на данные буквы или содержат их. Слова разделены на группы в соответствии с начальной буквой и разбиты на категории в соответствии с тематикой. Слову звукового языка соответствуют видеофрагменты четырех городов, предусмотрена возможность увеличить видеоизображение и уменьшить скорость воспроизведения на 25, 50 или 75 %.

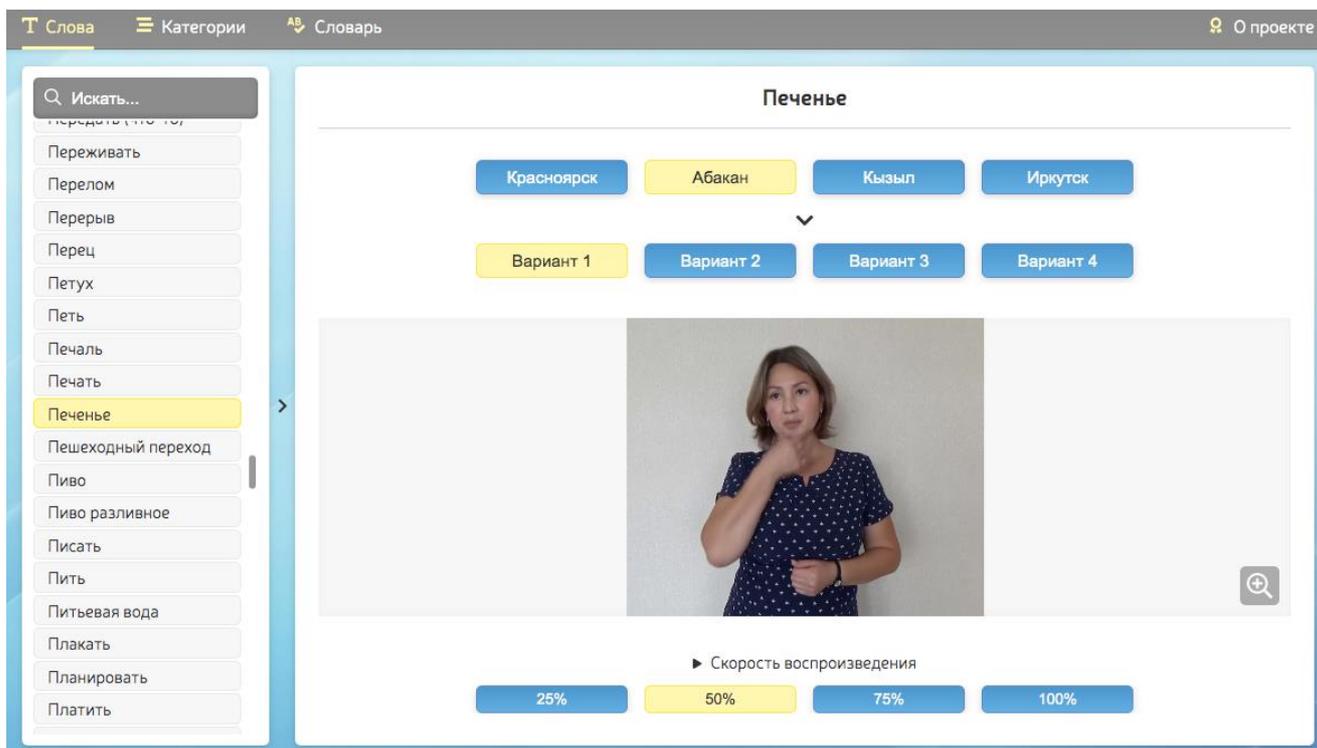

Рис. 2. Мультиmodalный электронный корпус региональных вариантов русского жестового языка (<http://zhestysibiri.ru/>)

В заключении диссертационной работы подводятся итоги и намечаются перспективы.

В результате проведенного исследования подтвердилась выдвинутая гипотеза о том, что в регионах Восточной Сибири носителями русского жестового языка используются варианты жестов. На данном этапе можно заключить, что в целевых регионах не проявляется жестовая гомогенность, поскольку в рамках изучения зафиксирован определенный корпус жестов, используемых не во всех регионах. Выявлено наличие вариантов жестов, детерминированных такими экстралингвистическими факторами, как возраст и регион проживания. Не зафиксировано влияние гендерной принадлежности на использование вариантов. Количество вариативных жестовых единиц в рамках выделенных тематических групп существенно различается. Квантитативно-сопоставительный анализ показал, что наиболее распространена фонологическая вариативность, в то время как лексическая вариативность зачастую наблюдается в лексических единицах, обладающих высокой степенью иконичности. Из четырех сопоставляемых параметров наиболее подвержен изменению параметр «конфигурация».

Перспективным для дальнейшего исследования вариативности РЖЯ представляется увеличение количества информантов и расширение территориальных границ сопоставления. Привлечение большего числа носителей РЖЯ позволит обоснованнее говорить о влиянии экстралингвистических факторов на вариативность. Кроме того, возможно включение в исследование дополнительного корпуса лексических единиц в рамках расширения спектра тематик.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в изданиях из Перечня ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Шатохина С.А. Факторы и закономерности развития жестовых языков в исторической перспективе // Казанская наука. 2019. № 7. С. 111–114.
2. Шатохина С.А. Жестовые языки мира: правовой статус и языковое планирование // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 5 (33). – URL: <https://rulb.org/archive/5-33-2022-september/10.18454/RULB.2022.33.17> (дата обращения 09.09.2022). – DOI: 10.18454/RULB.2022.33.17
3. Kulikova, L.V., Shatokhina, S.A. Sociocultural and linguistic contexts of the Russian Sign Language functioning in Krasnoyarsk Krai // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.. 2020. № 13 (3). P. 296–303.

Статья в издании, индексируемом в МБД Scopus:

4. Куликова Л.В., Шатохина С.А. Региолекты русского жестового языка: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (4). С. 750–759.

Статья в издании из Перечня РИНЦ:

5. Куликова Л.В., Шатохина С.А. Геолокализация жестовых языков в исторической перспективе // SIBERIA LINGUA. 2019. № 1. С. 101–117.

Монография:

6. Жестовые языки: Лингвистика и социальная инклюзия / Куликова Л.В., Магировская О.В., Шатохина С.А., Привалихина Е.С., Арский А.А. М.: Флинта. 2022. 128 с.